

ИСТОРИЯ

УДК 908

Иерей Павел Арцабович

магистр теологии,
аспирант кафедры Церковной истории
Московской духовной академии
e-mail: pavelartsabovitch@yandex.ru

Priest Pavel Artsabovich

master of Theology,
postgraduate student of the
Department of Church
History Moscow Theological Academy
e-mail: pavelartsabovitch@yandex.ru

РЕАКЦИЯ ЕПАРХИАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА ОРЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ НА ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА

THE REACTION OF THE DIOCESAN LEADERSHIP OF THE ORYOL DIOCESE TO THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

Аннотация. В статье проводится анализ отношения епархиального руководства Орловской епархии в лице правящего архиерея Орловской епархии епископа Макария (Гневушева) и викарного епископа Павла (Вильковского) к Февральскому перевороту 1917 года. Исследование, основанное на материалах архивов и газетных публикаций, приходит к выводу о том, что Февральская революция была воспринята архиереями скорее отрицательно, хотя никаких заявлений в поддержку монархии ими сделано не было.

Abstract. The article analyzes the attitude of the diocesan

leadership of the Oryol diocese, represented by the ruling bishop of the Oryol diocese, Bishop Makariy (Gnevushev) and the suffragan Bishop Pavel (Vilkovsky), to the February Revolution of 1917. A study based on materials from archives and newspaper publications comes to the conclusion that the February Revolution was perceived rather negatively by the bishops, although they did not make any statements in support of the monarchy.

Ключевые слова: Орловская епархия, Февральская революция, Великая Российская революция, Русская Православная Церковь, епископ Макарий (Гневушев).

Key words: Oryol diocese, February Revolution, Great Russian Revolution, Russian Orthodox Church, Bishop Macarius (Gnevushev).

В последние годы отечественные историки все чаще обращают внимание на события, произошедшие в России более ста лет назад. Такой интерес, без сомнения, вызван в том числе 100-летним юбилеем Февральской революции. Не остались в стороне от исследователей и процессы, происходившие в мартовские дни 1917 года в Русской Церкви и, в частности, Орловской епархии. Вышедшая в 2008 году монография питерского историка Павла Рогозного «Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции)» стала одной из первых работ, посвященной тематике положения Церкви во время Февральской революции [23]. Хотя Орловской епархии в данной монографии посвящена отдельная глава, февральские дни 1917 года в ней освящены недостаточно подробно. Статьи вашего покорного слуги «Орловско-Севская епархия в период Февральской революции» и «Восприятие приходским духовенством Орловской епархии Февральской революции 1917 года» вышедшие в 2017 и 2019 гг. соответственно, в связи с открывшимися источниками требуют доработки и уточнения и во многом пересмотра ранее сделанных выводов [1, 2].

Прибытие на Орловскую кафедру епископа Макария (Гневушева)

Февральский переворот застал на Орловской кафедре епископа Макария (Гневушева). В политических и церковных кругах владыка Макарий был известен, прежде всего, своим участием в правомонархическом движении. В 1907 году, еще до принятия монашества и священного сана, он был активным участником съезда монархических партий в Москве. В этом же году был избран председателем Киевского отделения Союза русского народа. В 1907 году будущий епископ овдовел и уже в 1908 году принял монашеский постриг и священный сан. В 1909 году он переводится в Москву и назначается настоятелем Московского Новоспасского монастыря. По замечанию историка Каиля М. В.: «...в Москве он сблизился с председателем Русского монархического союза Иоанном Восторговым и стал его ближайшим соратником» [8, с. 144]. Это знакомство во многом определит дальнейшую судьбу владыки Макария. Со временем архимандрит Макарий отходит от политической деятельности и сосредотачивается исключительно на церковных вопросах. В 1914 году архимандрит Макарий рукоположен во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Почти через три года, 28 января 1917 года, епископ Макарий назначается на Орловскую кафедру [4, с. 33]. Таким образом, владыка Макарий становится правящим архиереем.

Орловское духовенство и орловская паства совершенно ничего не знали о владыке Макарии как о церковном деятеле. Как отмечал орловский священник Николай Беляев: «...новый епископ был известен Орлу только по газетам и только как правый политический деятель, но совершенно неизвестен был как деятель церковный, как пастырь. Вот поэтому и трепетали, предполагая, что епископ займется больше и даже, может быть исключительно деятельностью политической и поведет с собой на этот путь духовенство» [3, с. 3]. Такие опасения имели под собой основания. За 20 дней до прибытия

в Орел, 5 февраля 1917 года во время проповеди в одном из храмов Нижнего Новгорода владыка Макарий произнес речь, в которой призывал к неукоснительному подчинению существующему на тот момент строю: «...спешите, друзья, объединиться для охраны и укрепления того государственного строя, который веками у нас создан, который веками оправдан, который именно теперь крепок должен быть... Стойте же, друзья, непреодолимой стеной вокруг царского престола... Не забудем, что все важнейшие блага даны русскому народу с высоты этого престола» [20, с. 3].

В Орел епископ Макарий прибыл 25 февраля, когда в Петрограде уже вовсю бушевали беспорядки. На вокзале владыку встречали высшие должностные лица Орловской губернии и статусное орловское духовенство [12, с. 158].

Орел встречал нового архиерея колокольным звоном со всех городских церквей. С вокзала владыка Макарий проследовал в Кафедральный собор, где его ожидали: викарный епископ Павел (Вильковский) и городское духовенство города Орла. От себя и от имени духовенства к епископу Макарию обратился Преосвященный Павел, который отметил, что «с торжеством и радостью встречает тебя Богом данная тебе Орловская паства и мы, смиренные служители Господни, будущие соратники твои здесь, на ниве Христовой» [12, с. 159].

Епископ Павел отметил, что владыка Макарий известен многим как преданный Церкви и трону святитель: «...радует нас твой боголюбезный образ, уже довольно повсюду знаемый и почитаемый многими и многими русскими людьми. Образ верного стоятеля и борца за исконные начала свято-русской жизни, мужественного и убежденного глашатая и признанного вождя той истинной общественности, того единения разумных сил страны, которое стремится найти себе опору в коренных устоях бытия и жизни нашего отечества, опору — в единой истинной вере Христовой, исповедуемой Православною Церковью, в единой власти Царя, как власти Божьего Помазанника в едином господстве и державном праве

народа русского, как народа — строителя царства, хранителя веры и благочестия и защитника, надежнейшего защитника Престола и Родины» [12, с. 159].

Взяв ответное слово, владыка Макарий произнес речь, разительно отличавшуюся от произнесенной им 5 февраля. Преосвященный отметил: «Господь призвал меня на служение пастве Орловской земли в одно из самых тяжелых и опасных времен в исторической жизни русского народа» [12, с. 146]. Епископ подчеркнул, что русский народ ведет сейчас самую сложную и кровопролитную войну в своей истории. Что все силы народные направлены на помощь фронту, на достижение победы. Вследствие перенапряжения сил государства неизбежны, по мнению Владыки, разного рода трудности и осложнения. Владыка заметил, что помимо объективных сложностей, вызванных войной, существуют и искусственные трудности, специально раздуваемые определенными силами для получения сиюминутных политических выгод [12, с. 146–147].

По сути, данный отрывок является чуть ли не единственным во всей речи епископа Макария, посвященным текущему политическому моменту. Содержание его крайне сглажено — никаких конкретных обвинений в адрес политических партий, а тем более политиков владыка не выдвигает. Тем более нет в его речи и никаких заявлений в поддержку монархии. Через речь владыки красной нитью проходит призыв оставить распри в тяжелое для страны военное время и наконец обратиться к покаянию. Окончил же свою речь владыка призывом к миру и любви [12, с. 157–158]. Священник Николай Беляев вспоминал, что речь епископа Макарий произвела на него самое благоприятное впечатление [3, с. 4].

Свою первую Литургию на Орловской земле владыка Макарий совершил 26 февраля, в воскресенье. На Литургии, по замечанию газеты Орловская мысль: «присутствовало множество молящихся» [9, с. 4]. Также, по замечанию корреспондента, «Владыка произнес по поводу тяжести и

остроты переживаемых событий речь настолько сильную и проникновенную, что многие из присутствующих плакали» [9, с. 4]. Можно предположить, что владыка повторил свою речь от 25 февраля, но теперь уже для более широкой аудитории.

1 марта владыка Макарий в кафедральном соборе совершил панихиду по убиенному в этот день в 1881 году императору Александру II. По окончании панихиды Преосвященный произнес проповедь, в которой никаких заявлений по текущему положению дел в стране произнесено не было [19, с. 3]. Почему владыка Макарий не высказал свою поддержку монархии и не призвал на защиту государственного строя? По той же самой причине, по которой не высказались в защиту монархии ни Синод, ни практически ни один архиерей Русской Церкви — недостаток информации и ожидание воли государя императора. По той же самой причине, в защиту монархии не высказался и Орловский губернатор граф Гендриков, вплоть до своей отставки занимавшийся своими непосредственными обязанностями, благо в Орле никаких волнений и беспорядков, подобно петроградским, не наблюдалось.

Реакция Орловского епископа на отречение Николая II

Как известно, государь император Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 года. 3 марта, в день отречения от престола великого князя Михаила Александровича, «в Орел пришло известие об отречении Императора Николая II и о сформировании нового Правительства» [5, л. 23 об.]. В городе членами Городской думы был образован Комитет общественной безопасности, «к которому представители старой власти стекались для изъявления своего присоединения к новому правительству» [5, л. 23 об.]. В 11 часов утра того же дня орловский губернатор Гендриков собрал у себя епископа Макария и представителей гражданских ведомств губернии. На собрании губернатор зачитал телеграмму об отречении императора и предложил собравшимся присоединиться к новой власти [5, л. 23 об.]. 4 или 5 марта, уже после окончательного

установления власти Временного правительства, епископ Макарий посылает телеграмму в Синод: «Ввиду манифеста, прошу указаний относительно богослужений» [24, с. 243]. В эти же дни, совпавшие с субботой и воскресеньем, владыка Макарий, совершал уставные богослужения. Никаких заявлений, относительно совершившегося им сделано не было.

7 марта, на страницах «Орловского вестника», за подписью епископа Макария, выходит обращение «К православным пастырям и всем учреждениям Орловской епархии», в котором епископ просит «приложить все средства к поддержанию мира, спокойствия, дабы утверждающийся новый строй государственной жизни вошел в жизнь народную безболезненно и без страданий» [15, с. 1]. Таким образом, епископ Макарий официально признал факт окончательного утверждения февралистской власти, хотя и не высказал ей поддержку.

Владыка все же понимал необходимость налаживания связей с новой властью. По его распоряжению, 7 марта состоялось собрание орловского духовенства под председательством епископа Павла. На собрании были проведены выборы представителей духовенства в Комитет общественной безопасности [16, с. 3]. Можно предположить, что эти распоряжения были сделаны епископом Макарием заранее, поскольку 6 марта владыка заболевает. Болезнь преосвященного Макария вызывает множество догадок и разнообразных версий. Какого рода была эта болезнь? Простуда ли это или нервный срыв? Или просто под видом болезни владыка решил отстраниться от епархиальных дел? Сам владыка Макарий в рапорте Святейшему Синоду писал, что заболел воспалением легких вследствие служения 5 марта великой вечерни [21, л. 2–2 об.]. Но с уверенностью можно сказать лишь о том, что события 2–3 марта не прошли для владыки мимо — для него произошло крушение целого мира, крушение строя, искренней защитой которого он занимался всю сознательную жизнь. К тому же 5 или 6 марта по постановлению Орловского комитета общественной безопасности был

арестован председатель Орловского отделения Союза русского народа Яков Афанасьевич Померанцев. По замечанию газеты Орловский вестник: «Знамя орловских союзников перенесено вместе с архивом этой милой организации в Городскую думу, где заседает комитет. Сам Померанцев водворен в тюрьму» [15, с. 3]. Безусловно, и этот факт мог окончательно подкосить и так уже не очень здорового епископа.

Бремя руководства Орловской епархией было возложено на епископа Елецкого Павла, викария Орловской епархии. Владыке Павлу предстояло принять участие в так называемом «Празднике Свободы», запланированном на субботу, 10 марта. В этот день орловское городское духовенство во главе с епископом Павлом совершило крестный ход из Кафедрального собора до соборной площади. На площади духовенством был совершен молебен «по случаю дарования Благоверным Временным Правительством свобод гражданам Российской империи» [13, с. 249]. Закончился же праздник провозглашением многолетия «Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству ея и христолюбивому воинству, а также провозглашена была вечная память всем павшим за свободу» [13, с. 249].

На плечи епископа Павла также была возложена обязанность, согласно распоряжению Синода, прочитать по окончании богослужения, 12 марта, в воскресенье, два акта: об отречении Николая II от престола и об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия Верховной Власти. После прочтения актов об отречении, согласно епархиальной прессе: им был совершен молебен об утишении страстей с подобающим многолетием» [13, с. 249]. Как мы видим, никаких восторженных речей в адрес новой власти владыка Павел не произносил. Как и епископ Макарий, преосвященный Павел просто признал свершившийся факт смены государственной власти.

Восприятие Февральской революции духовенством Орловской епархии

Часть рядового орловского духовенства проявила себя более активно, нежели епископат. 4 марта, в 12 часов дня, воспитанники местной духовной семинарии явились в Комитет общественной безопасности с выражением своей солидарности с восставшим народом и с предложением своих услуг комитету [14, с. 3].

5 марта, на первой полосе газеты Орловский вестник, выходит «Открытое письмо Орловскому духовенству» за подписью священника села Лебядки Орловского уезда Алексея Емельянова. Письмо начинается с воспоминаний о революционных событиях 1905 года, когда по слову священника: «...мы, духовенство, совершили роковую ошибку, став на защиту не младших братьев наших, слабых и приниженных, а на поддержку правившей власти, — сильных князей мира сего». Священник объясняет это не только трусостью духовенства, но и «нашим вековым принижением и бесправностью» [14, с. 1]. Старый строй, который священники вынужденно поддерживали во время первой революции, по мнению отца Алексея, уже тогда изжил себя: «мы не разглядели, что еще тогда перед нами был труп» [14, с. 1]. Священник настаивал, что теперь же, в новых условиях, когда царская власть пала, каждый священник должен выразить свою оценку произошедшим событиям и не оставаться в стороне: «Неужели мы, — восклицал священник, — и в этот страшный час испытания нашей веры и совести не поспешим встать на сторону народа — страдальца, на сторону тех младших братьев Христа, которые возрождаются теперь для новой, лучшей жизни? Да не будет того! Мы не смеем быть простыми зрителями начала устройства царства любви, царства правды и справедливости для всех братьев наших по человечеству, живущих по лицу родной земли нашей, без различия их религии и национальности» [14, с. 1].

Злая ирония этого письма заключалась в том, что его автор до недавнего времени был активным членом Союза русского

народа и принимал непосредственное участие в поддержке «князей мира сего». Еще будучи в сане диакона, в 1907 году он, как и будущий епископ Макарий, участвовал в съезде монархических организаций в Москве. В 1908 году, в речи адресованной тогдашнему епископу Орловскому Серафиму (Чичагову) (к слову, тоже монархисту, горячо поддерживавшему Февральскую революцию), по поводу его перевода на Кишиневскую кафедру, диакон Крестовоздвиженской церкви города Орла Алексей Емельянов отмечал, что «на новом месте служения вашего вы, Владыка, несомненно, встретите много искренних людей, которым, как и нам, дороги еще заветы седой нашей старины, дорога святая, православная Вера, драгоценно самодержавие Русских Царей, воплощающее в себе для нашего народа идеал высшей человеческой правды и справедливости» [11, с. 1020].

Священник Емельянов не был одинок в своем стремлении поддержать новую власть. Газета «Орловский вестник» отмечала, что «5 марта в Болховском соборе была отслужена панихида по павшим борцам за свободу» [17, с. 4]. Также газета через несколько дней писала, что в Болховском уезде «сельские батюшки, не ожидая синодального распоряжения, во многих церквях объявили своим прихожанам о крушении отжившего старого строя, прочитали манифесты об отречении Николая II и Михаила Александровича, поздравили своих прихожан с воссиявшей новой зарей света, прося последних не быть гасителями этого света, соблюдая тишину и порядок общественной жизни» [18, с. 4].

На заседании Елецкого Чрезвычайного Земского собрания 9 марта 1917 года выступил диакон церкви Казанской иконы Божией матери села Воронеж. Фамилия и имя клирика, к сожалению, не известны. В наполненной пафосом речи, обращаясь «к гражданам земли русской», диакон отмечал, что: «...в великое время мы живем, заря свободы воссияла над необъятной ширью и простором нашей дорогой родины, сердца всех трепещут и преисполнены радостью, что

наконец пал жестокий неумолимо-кровожадный деспотизм. Положен конец вакханалии бесправия, безответственности и издевательства над человеческой личностью. Многовековые оковы, наложенные на русского великана, лопнули. Лопнули под невероятным натиском сверхчеловеческих усилий, и наша задача, граждане, не потерять так дорого купленную свободу: нам нужно забыть свои домашние распри — мы их разберем потом. Сейчас же я призываю вас к глубокому единению для дружной совместной работы, будем работать из всех сил, будем всеми силами поддерживать Временное правительство. Оно достойно того — оно свергло прежний, глубоко ненавистный для всех режим» [7, л. 36 об.]. На заседании Мценской Городской думы 4 марта новые власти постановили просить «местное духовенство обратиться к народу относиться к новому правительству с доверием, соблюдать должный порядок и тишину с разъяснением важности происшедших событий...» [6, л. 13 об.].

Духовенство 1-го благочиннического округа Орловского уезда «на собрании 13 марта постановило признать Временное правительство, охотно подчиниться ему» [21, л. 41 об.]. Газета «Орловский вестник» писала, что «сначала крестьяне отнеслись недоверчиво к известиям, поступившим из столицы, но, когда услышали компетентный голос своего священника, что старый строй рушился, оковы деспотизма пали, те люди, к которым крестьяне никогда доверия не питали, арестованы, недоверие их рассеялось как дым» [18, с. 4].

К сожалению, достоверных сведений о духовенстве, поддерживавшем падающую монархию, не сохранилось. Трубчевский большевик Матвеев в своих воспоминаниях писал о том, что, когда в Трубчевск пришло известие о смене государственного строя, священник одной из церквей «с сожалением сообщил о свержении супостатами государя Николая Александровича» [22, с. 233]. Данный отрывок является единственным упоминанием о духовенстве, не принявшем новое правительство, однако тенденциозность автора

заставляет сомневаться в достоверности описанных событий. По всей видимости, основная масса священнослужителей последовала примеру епархиального начальства и тихо приняло совершившийся факт. Как писал в своем дневнике анонимный орловский священник: «3 марта 1917 года. Получилось известие о перевороте. Почему-то припомнилось выражение Достоевского, — кто теряет своих богов, тот теряет все» [10, с. 410].

Выводы

Февральская революция была воспринята епархиальным руководством Орловской епархии крайне пассивно. Вплоть до 7 марта, в течение 12 дней своего пребывания на Орловской кафедре, правящий архиерей не сделал абсолютно никаких заявлений ни в поддержку монархии, ни в поддержку Временного правительства. Учитывая политическую деятельность владыки Макария перед принятием монашества и его речь, произнесенную 5 февраля 1917 года, можно лишь косвенно судить о том, что крушение монархии для владыки Макария стало в некоторой степени шоком, следствием которого стала болезнь Преосвященного. Викарный епископ Павел (Вильковский), безусловно, человек монархических взглядов, также принял свершившийся факт смены государственной власти.

Рядовое духовенство в своей массе просто последовало примеру своего епископата и восприняло Февральскую революцию спокойно и без энтузиазма. Часть наиболее активного духовенства, наоборот, горячо поддержало смену государственного строя. Именно такие священнослужители и сыграют определяющую роль в событиях, которые будут происходить в Орловской епархии на протяжении всего 1917 года.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Арцабович П. С.* Восприятие приходским духовенством

Орловской епархии Февральской революции 1917 г. // Шаг в историческую науку: материалы XIX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Екатеринбург, 26 апреля 2019 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2019. С. 208–210.

2. Арцабович П. С. Орловско-Севская епархия в период Февральской революции // Булгаковские чтения. 2017. № 11. С. 223–230.

3. Беляев Н., *свящ.* Временное управление Орловской епархией епископа Серафима (Остроумова). Его избрание и первые месяцы правления по избрании. (Очерк из истории наших дней). Курск: 1918.

4. Высочайшие повеления // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1917. № 6.

5. ГАОО. Ф. Р-81. Орловский губернский комиссар Временного правительства. Оп. 1. Д. 16.

6. ГАОО. Орловский губернский комиссар Временного правительства. Ф. Р-81. Оп.1. Д. 18.

7. ГАОО. Ф. Р-81. Орловский губернский комиссар Временного правительства. Оп.1. Д. 23.

8. Каиль М. В. Епископ Макарий (Гневушев): судьба архипастыря в эпоху революций // Вопросы истории. 2014. № 9. С. 143–150.

9. Орловская мысль. 1917. № 8.

10. Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 16.

11. Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1908. № 42.

12. Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1917. № 9–10.

13. Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1917. № 12–14.

14. Орловский вестник. 1917. № 51.

15. Орловский вестник. 1917. № 52.

16. Орловский вестник. 1917. № 53.

17. Орловский вестник. 1917. № 56.
18. Орловский вестник. 1917. № 61.
19. Орловский вестник. 1917. № 80.
20. Орловский вестник. 1917. № 81.
21. РГИА. Ф.796. Канцелярия Синода. Оп. 204. Д.113.
22. Революционные события в Трубчевске в 1917–1918 годах // Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянский рабочий. Брянск: 1957.
23. *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). Спб.: Лики России, 2008.
24. Телеграмма Св. Синоду епископа Орловского и Севского Макария (Гневушева) // Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). Сост., автор предис. и комм. М.А. Бабкин. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Индрик, 2008. С. 243.